

МОТИВ

DOI 10.37386/2305-4077-2023-1-114-122

А. М. Мартазанов¹*Ингушский государственный университет*

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОГО ВОЗМЕЗДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. АСТАФЬЕВА

В статье рассматривается вопрос о роли мотива справедливого возмездия в творчестве В. Астафьева. Анализ основных художественных текстов писателя приводит к выводу о том, что ключевую роль в них играет фактор динамического равновесия между аффективной ненавистью к социальному злу и жадой милосердия. В творческой биографии Астафьева выделяется примерно десятилетний «пессимистический» период (с середины 1980-х до середины 1990-х), когда аффективный гнев возобладали над добротой. Однако в дальнейшем жажда праведного возмездия вновь уравнивается у писателя призывом к милосердию.

Ключевые слова: невротическая ненависть; зло; справедливое возмездие; гуманность; милосердие

A. M. Martazanov*Ingush State University*

THE IDEA OF JUST RETRIBUTION IN THE WORK OF V. ASTAFIEV

The article deals with the issue of the role of the motive of just retribution in V. Astafiev's works. The analysis of the writer's main literary texts leads to the conclusion that the factor of dynamic balance between affective hatred of social evil and the thirst for mercy plays a key role in them. In the creative biography of Astafiev, there is an approximately ten-year "pessimistic" period (from the mid-1980s to the mid-1990s), when affective anger prevailed over kindness. However, in the future, the writer's thirst for righteous retribution is again balanced by a exhortation to mercy.

Keywords: neurotic hatred; evil; fair retribution; humanity; mercy.

В. Астафьеву (1924–2001) всегда была присуща резкая и болезненная реакция на любые проявления зла и несправедливости. Автор «Последнего поклона» не сомневался, что всякий порок должен быть наказан – и как можно скорее. Важным лейтмотивом астафьевского творчества следует признать мысль о том, что добро должно быть с кулаками. Уже в самом начале творческого пути Астафьева критик А. Макаров назвал важнейшим элементом его мироощущения «обжигающую, как кипяток, солдатскую ненависть к социальному злу» [Макаров, 1969, с. 18].

¹ Арсамак Магомедович Мартазанов доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Ингушского государственного университета (Магас) E-mail: am_martazanov@mail.ru.

И действительно, сталкиваясь со злом, Астафьев, как правило, реагировал именно по-солдатски: он выплескивал аффективный гнев, призывал к немедленному возмездию, нисколько не задумываясь о какой бы то ни было политкорректности, а подчас и вопреки объективности.

В этом плане представляется весьма показательным эпизод из «Последнего поклона» (раздел «Без приюта»), где автобиографический герой, доведенный до отчаяния сиротскими скитаниями в заполярной Игарке, жестоко избивает злобную учительницу Софью Вениаминовну по прозвищу Ронжа, в образе которой для него в тот момент буквально сконцентрировалось все зло на свете: «Я хлестнул голиком по ракушечно-узкому рту, до того вдруг широко распахнувшись, что в нем видна сделалась склизкая мякоть обеззвучившегося языка, после хлестал уже не ведая куда. Я не слышал криков, визга, не заметил, как в панике съпнулись за двери парнишки и девчонки, покидая родной класс и учительницу; черные стрелы замелькали перед глазами – разлетались прутья голика; на мгновение возникло передо мной окровавленное лицо учительницы, но кровь на напугала, не отрезвила меня, наоборот, она прибавила озверения и неистовства. Ничего в жизни даром не дается и не проходит. Ронжа не видела, как заживо палят крыс, как топчут на базаре карманников сапогами, как в бараке иль жилище, подобном старому театру, пинают в живот беременных жен мужья, как протыкают брюхо ножом друг дружке картежники, как пропивает последнюю копейку отец, и ребенок, его ребенок, сгорает на казенном топчане от болезни... Не видела. Не знает. Узнай, стерва! Проникнись! Тогда иди учить. Тогда срами, если сможешь. За голод. За одиночество, за страх, за Кольку, за мачеху, за Тишку Ломова – за все полосовал я не Ронжу, нет, а всех, бездушных, несправедливых людей на свете. Голик рассыпался в руке – ни прутика, я сгреб учительку за волосы, свалил на пол и затоптал бы, забил до смерти жалкую, неумную тварь, но судьба избавила меня от тяжелого преступления, какой-то народ навалился на меня, придавил к холодным доскам пола». [Астафьев, 1979, т. 3, с. 345]². И действительно, герой бьет не столько конкретную ничтожную Ронжу, сколько в ее лице всех «бездушных, несправедливых людей на свете». Аналогичную конфронтационно-невротическую природу обнаруживают очень многие обличительные инвективы, содержащиеся в текстах писателя Астафьева.

Однако вплоть до середины 1980-х годов в произведениях Астафьева неприимимая ненависть к злу и неотделимая от нее идея справедливого возмездия уживались с утопическим порывом к идеалам вечной доброты и всеобщей любви. Специфика астафьевского дискурса в значительной мере определялась именно данным парадоксальным взаимодействием двух разнонаправленных тенденций. Н. Лейдерман в этой связи указал на оригинальный сплав жестокости и сентиментальности, этот исследователь назвал художественную систему Астафьева «сентиментальным натурализмом» [Лейдерман, 2001, с. 67], подчеркнув, что «он всю жизнь пишет по-русски жестокие и по-русски же слезливые истории» [Лейдер-

² Далее при цитировании по этому изданию номер тома и страницы указываются в круглых скобках после цитаты.

ман, 2001, с. 67]. Действительно, безжалостность к злу оригинальным образом совмещалась у Астафьева с романтической жадной гармонией. Мысль писателя то уносилась в мир прекрасной мечты, где царит братство, то вновь возвращалась на грешную и суровую землю, где постоянно требовались крепкие кулаки. В наиболее совершенных своих произведениях Астафьеву удавалось, постоянно манипулируя этими «регистрами», поддерживать между ними динамическое равновесие.

Яркий пример подобного гармонического баланса между идеей возмездия и идеалом всепрощения и доброты являет собой повествование в рассказах «Царь-рыба» (1975). Здесь конфронтационно-невротическое начало предельно эксплицировано. Не удивительно, что повествователь призывает читателей к прямой физической расправе над торговцами-мошенниками: «Загляни, покупатель, в жабре рыбины и, коли жабры угольно-черны иль с ядовито-синим отливом, – дай рыбиной по харе продавцу и скажи: “Сам ешь, сволочь!”» (т. 4, с. 199). Необходимость соблюдать по отношению к браконьерам правовые нормы вызывает у повествователя нескрываемое возмущение: «Ну почему, отчего вот этих отпетых головорезов надо брать непременно с поличным, на месте преступления? Да им вся земля место преступления!» (т. 4, с. 321).

Лейтмотивом произведения оказывается мысль о наличии в мире неких высших сил, вершащих возмездие, которое обрушивается как на отдельных аморальных индивидов, так и на нравственно несовершенное человечество в целом. С этой точки зрения, даже комары существуют в качестве «наказания человеку от природы за его блудные дела и помышления» (т. 4, с. 159). Любое нравственное прегрешение (повествователь «Царь-рыбы» обрушивает свой гнев в первую очередь на всевозможных браконьеров) не останется неотомщенным. В духе идеи возмездия воспроизводятся и трактуются истории браконьеров – жителей таежного поселка Чуш. Так, для одного из них, Командора, расплатой за браконьерские «подвиги» стала гибель любимой красавицы-дочери – не случайно задавивший ее пьяный шофер назван «сухопутным браконьером» (т. 4, с. 112). И его брата, внешне благополучного Игнатъича, настигает возмездие за совершенный еще в юности грех (он грубо оскорбил доверившуюся ему девушку): пытаясь поймать огромную рыбу, он запутывается в собственной снасти. Пример Игнатъича особенно показателен. Этот герой, достигнув зрелости, стал совестливым – он, терзаемый раскаянием, не только покаялся перед обиженной Глашей, но в дальнейшем вообще резко изменил все свое поведение: «Ни на одну женщину он не поднял руку, ни одной больше не сделал хоть малой пакости, не уезжал из Чуши, неосознанно надеясь смирением, услужливостью, безблудьем избыть вину, отмолить прощение» (т. 4, с. 153). Однако все усилия искупить прегрешения оказались напрасными. В предпоследней главе, «Сон о белых горах», аналогичным образом смерть нищезанца Гоги Герцева трактуется как наказание свыше за эгоцентризм и презрение к окружающим людям.

Однако периодически повествование в «Царь-рыбе» переключается на совсем иной аксиологический регистр, в результате чего рассказчик, как будто забывая об идее неотвратимого возмездия, принимается тосковать по царству доброты и любви. В этом контексте возникает целая галерея образов персонажей, воплоща-

ющих идею «добра без кулаков»³. Опорная черта характеров Акима, Коли матери Акима, бакенщика Павла Егоровича и других, подобных им персонажей «повествования в рассказах», – умение «быть душевно преданным каждому человеку» (т. 4, с. 12), «любить ребятишек и всех живых людей» (т. 4, с. 179). Все они могли бы с полным правом повторить «библейские» слова, с которыми впервые появляется на страницах книги Коля: «Я брат твой!» (т. 4, с. 16). Обобщенную характеристику людям этого склада рассказчик дает, размышляя о бакенщике Павле Егоровиче: «Все перед ними всегда тоже открыты настезь, все к ним тянутся, начиная от застигнутых бедой путников и кончая самыми раскапризными ребятишками. Таких людей никогда не кусают собаки, у них ничего не крадут и не просят, они сами отдают все свое, вплоть до сердца, всегда слышат даже молчаливую просьбу о помощи...» (т. 4, с. 252).

С образами всех этих героев, как уже не раз отмечали исследователи⁴, в произведении соотнесен мотив детства. Разумеется, в реальной земной жизни по-детски наивные и чистые герои оказываются очень хрупкими, уязвимыми. В размышлении рассказчика о Павле Егоровиче преждевременная смерть предстает как наиболее частый и закономерный итог, к которому приходят эти люди: «На фронте, в санроте не раз случалось – такой вот отодвигается, отодвигается в сторонку, уступая очередь в перевязочную более пробойным людям, считая, что им больнее, а ему еще терпимо, и, глядишь, догорит скромняга в уголке церковной свечкой. Совсем на другой реке такой же вот человек утонул недавно, уступая место на опрокинутой лодке тем, которые казались ему слабее, а был болен сердцем и, спасая других, ушел под воду без крика, без бултыханья, боясь собою обременить и потревожить кого-то. <...> И как же убиваются жены по скоро изнашившимся, рано их покинувшим, таким вот простофилям-мужьям...» (т. 4, с. 252). Точность этой характеристики подтверждается всем содержанием «Царь-рыбы»: смерть настигает и мать Акима, и Колю – «рано изработавшегося, много бед и мало радостей повидавшего брата» (т. 4, с. 132). Что же касается самого Акима, то он, хоть и не умирает, но несет на себе печать трагической обреченности.

В «Царь-рыбе», как отметил А. Большев, «сталкиваются две различные системы ценностных ориентаций, в результате чего возникает особая атмосфера раздумий, метаний, мучительных поисков выхода» [Большев, 1987, с. 102]. В этом специфическом контексте все инвективы рассказчика, все его призывы безжалостно карать носителей зла неизбежно воспринимаются как неокончательные и неполные.

Баланс между двумя контрадикторными идеологическими концептами («добро с кулаками» и «добро без кулаков») был отчасти нарушен на предпоследнем этапе (приблизительно с середины 1980-х до середины 1990-х гг.) творческой

³ Идею «добра без кулаков» Астафьев формулировал в разных своих произведениях, а наиболее отчетливо в очерке «Паруня», созданном вскоре после окончания работы над «Царь-рыбой»: «...у добра и не должно быть никаких кулаков, добро с кулаками – это все равно что родник с расплавленным свинцом» [Астафьев, 1979, т. 4, с. 544].

⁴ См., например: [Лапченко, 1985, с. 55–56].

биографии Астафьева, когда в некоторых его текстах яростно-обличительные инвективы перестали уравниваться верой в доброту и любовь.

В этом плане переломным произведением стал роман «Печальный детектив» (1985), действие которого разворачивается в провинциальном городе Вейске. Повествование организовано точкой зрения главного героя – сорокаоднолетнего Леонида Сошнина, начинающего писателя, а в прошлом милиционера. Из милиции он был вынужден уйти на пенсию по инвалидности. В романе описан один день из жизни Сошнина, но основное место в тексте занимают воспоминания героя, а также и его размышления об общественных пороках и их первопричинах. Сошнин непрерывно сталкивается с грубостью, бескультурьем, жестокостью окружающих, одновременно вспоминая о преступлениях, которые расследовал в бытность милиционером.

Герой одержим ненавистью к злу и идеей справедливого возмездия. Соответственно, он сторонник предельного ужесточения наказаний для преступников. Работая в милиции, Сошнин всегда без особых колебаний пускал в ход и кулаки, и оружие. Однажды попытку героя «перестрелять» насильников удалось пресечь напарнику, который сумел вырвать из его руки пистолет с взведенным курком, в другом случае герой, возглавляя погоню за преступником, инициирует стрельбу на поражение, закончившуюся летальным исходом. Сошнин и впоследствии не изменяет своим привычкам – так, например, встретившись в подьезде с тремя пьяными хулиганами, он жестоко избивает их. Непримируемая позиция Сошнина обусловлена не только тягостным жизненным опытом, но и своеобразно воспринятой философией Достоевского и Ницше, которые, по убеждению героя, обнажили бездны зла, тающиеся в глубинах человеческой природы: «Ницше и Достоевский почти достали до гнилой утробы человечихи, до того места, где прееет, зреет, набирается вони и отращивает клыки спрятавшийся под покровом тонкой человеческой кожи и модных одежд самый жуткий, сам себя пожирающий зверь. А на Руси Великой зверь в человеческом облике бывает не просто зверем, но звериной...» [Астафьев, 1986, с. 27].

Главным препятствием на пути к наведению в обществе порядка астафьевский герой-идеолог считает гуманное отношение к носителям зла – так называемую «русскую жалость» [Астафьев, 1986, с. 28]. На протяжении всего романа Астафьев не устает демонстрировать читателю все новые проявления «русской жалости», которая порой принимает особенно уродливые и болезненные формы. Так, при задержании милиционерами молодого убийцы и его приятелей на улице немедленно собирается толпа бурно сочувствующих: «Граждане в ропот, сгрудились, сбились в кучу, милицию в кольцо взяли, кроют почем зря, не давая обижать «бедных мальчиков». «”Что делают! Что делают, гады, а?! – трясся в просторном пиджаке выветренный до костей человек, в бессилии стуча инвалидной тростью по тротуару. – Н-ну, легавые! Н-ну, милиция! Эко она нас бережет!” – “И это середь бела дня, середь народа! А попади к им туда-а...” – “Такой мальчик! Кудрявый! А он его, зверюга, головой об стену...”» [Астафьев, 1986, с. 28]. В данном эпизоде жалость прохожих к арестованным бандитам можно объяснить незнанием обстоятельств преступления. Однако нередки случаи, когда пре-

ступника окружают заботой и сочувствием сами его недавние жертвы. Так произошло, например, когда Леонид Сошнин, рискуя жизнью, пытался обезвредить Веньку Фомина, бандита, который терроризировал беспомощных старух, жительниц обезлюдевшего села Тугожилино. В схватке с рецидивистом Сошнин едва не погиб, именно после этого он навсегда остался инвалидом. Тем не менее на суде старухи, ради которых герой жертвовал собой, сочувствуют отнюдь не ему, а своему недавнему мучителю. Арина Тарыничева, которую Венька силой принудил к сожигательству и по заявлению которой Сошнин приехал в Тугожилино арестовывать Веньку, встречает судебный приговор (Фомину дали десять лет строгого режима) горестным воем. «Вольно, куражливо, удобно живется преступнику среди такого добросердечного народа, и давно ему так в России живется» [Астафьев, 1986, с. 27], – в этом комментарии голос героя очевидным образом сливается с авторским голосом.

Разумеется, Астафьев не придает позиции своего героя, одержимого ненавистью к преступному миру, статус безусловной истины. В конце концов отчаянная борьба Сошнина со злом оказывается не слишком результативной. В смысловой структуре романа обнаруживается и альтернатива сошнинской жестокости – здесь, как и в «Царь-рыбе», действуют персонажи, воплощающие идею «добра без кулаков», в их ряду прежде всего выделяется образ тети Грани, которая простила даже изнасиловавших ее негодяев. Однако ни о каком гармоническом балансе двух противоположных начал говорить уже не приходится, и если в предыдущих астафьевских произведениях обжигающая как кипяток ненависть к социальному злу уравновешивалась порывом к идеалам братства и любви, то в «Печальном детективе» равновесие явно нарушено: призыв к милосердию в романе звучит, но едва заметно, его заглушает мощный зов к справедливому возмездию.

И в дальнейшем, вплоть до середины 1990-х, астафьевское творчество эволюционирует под знаком усиления невротического гнева и ослабления концепта «добра без кулаков». В концовках ряда произведений этого периода на главных носителей зла обрушивается беспощадная кара. Так происходит, например, в рассказе «Людочка» (1987). С самого начала печать неумолимой обреченности лежит на судьбе несчастной героини – юной девушки, неспособной бороться с жестокостью окружающего ее мира. В конце концов доведенная до полного отчаяния она совершает суицид. Воистину inferнальное возмездие над виновным в Людочкиной смерти блатарем по кличке Стрекач вершит ее отчим: насильник оказывается буквально сваренным заживо в кипятке.

Конфронтационно-невротическим импульсом, во власти которого нередко оказывался Астафьев в этот период, обусловлены и известные скандальные ситуации с участием писателя – например, так называемая переписка его с историком Н. Эйдельманом (1986). Аффективную природу астафьевского письма Эйдельману достаточно точно охарактеризовал К. Азадовский: «Не возражает и не отвечает Виктор Петрович своему оппоненту, да и вовсе не пытается вступить с ним в разговор, а выплескивает на него свою обиду и ярость, не думая ни о диалоге, ни о логике» [Азадовский, 2003, с. 12].

В романе о Великой Отечественной войне «Прокляты и убиты» (1994) главным объектом невротического гнева оказывается сталинский режим. Олицетворением всех мерзостей советской тоталитарной государственности выступает большевистский фанатик комиссар Мусенок, которого в финале ожидаемо постигает справедливая кара – он погибает от руки положительного героя, капитана Щуся. Астафьевская ненависть к коммунистическому режиму так велика, что даже немецкий фашизм порой в сравнении с ним предстает в романе едва ли не благом. Этой невротической аберрацией обусловлен целый ряд явных логических сбоев, многие из которых обнаруживают связь с интересующей нас идеей справедливого возмездия. Так, например, подчеркивается, что немецкие беспощадные расстрелы советских пленных способствовали восстановлению поправленной справедливости и удерживали наших тыловых начальников от безудержного воровства: «...комиссаров, евреев и тыловых мздоимцев немецкие вояки стреляют тут же, на передовой, – таким образом наводят они справедливость в действующих частях и наших воруяг уму-разуму учат» [Астафьев, 2002, с. 422–423]. Выше уже приводились примеры подобного рода эмоционально-экспрессивной астафьевской риторики, суть которой в том, что, карая зло в интересах высшей справедливости, незачем утруждать себя соблюдением всякого рода правовых формальностей. Однако ни в одном из предыдущих произведений Астафьева тенденциозность прямолинейно-однозначных суждений не достигала такого критического уровня. И если так хороша и полезна была, по мнению автора романа, практика немецких бессудных расстрелов, то почему же он не устает гневно избличать советское «надзорное войско» НКВД, функция которого, помимо «бдения» за идеологической чистотой, как раз и состояла в том, чтобы следить за соблюдением порядка и беспощадно карать мздоимцев?

Сколько-нибудь внятный ответ на вопрос о том, чем была обусловлена такая концентрация обиды и ярости в текстах и поступках Астафьева вплоть до середины 1990-х годов, дать в настоящее время затруднительно, ввиду отсутствия достаточного биографического материала. Возможно, писателю было необходимо подобным образом выплеснуть накопившуюся боль. Так или иначе, романом «Прокляты и убиты» мрачно-пессимистический период в творчестве Астафьева завершился, и к писателю вернулось прежнее мироощущение, в координатах которого ненависть к злу органично совмещается с верой в торжество доброты и любви.

В повести «Так хочется жить» (1995) главный герой, неунывающий боец Коляша Хахалин не терпит несправедливости, он без всякой жалости расправляется с омерзительным тыловым старшиной Растаскуевым, привыкшим помыкать молодыми солдатами. Но гнев, под влиянием которого Коляша бросился на старшину со штыком наперевес, быстро проходит, и герой вновь возвращается к привычному озорному жизнелюбию, за которое заслужил прозвище Колька-свист. Аналогичным образом все происходит также в написанных позже повестях «Обертон» (1996) и «Веселый солдат» (1998). В художественном мире этих произведений обнаруживается знакомый по «Царь-рыбе» и «Последнему поклону» фактор динамического равновесия между идеей справедливого возмездия и порывом к романтическому идеалу вечной доброты. Сегодня можно уверенно конста-

тировать, что именно этим фактором в значительной мере обусловлена специфика творческой манеры Виктора Астафьева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азадовский, К. М. Переписка из двух углов Империи / К. М. Азадовский // Вопросы литературы. 2003. – № 5. – С. 3–33.

Астафьев, В. П. Собрание сочинений: в 4 т. / В. П. Астафьев. – Москва: Молодая гвардия, 1979.

Астафьев, В. П. Жизнь прожить: Роман, рассказы / В. П. Астафьев. – Москва: Современник, 1986. – 320 с.

Астафьев, В. П. Прокляты и убиты: Роман / В. П. Астафьев. – Москва: Эксмо, 2002. – 770 с.

Большев, А. О. «Российская жалость» (По страницам произведений Виктора Астафьева) / А. О. Большев // Север. – 1987. – № 7. – С. 101–104.

Британ, Э. Д. Роман В. П. Астафьева «Прокляты и убиты»: авторская концепция трагического: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 0.01 – Русская литература / Э. Д. Британ. – Москва, 2012. – 31 с.

Карасева, Э. Л. Православные мотивы в романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» / Э. Л. Карасева // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2010. – № 3. С. 176–181.

Лапченко, А. Ф. Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х годов: В. Распутин, В. Астафьев, С. Залыгин / А. Ф. Лапченко. – Ленинград: Изд-во филолог. ф-та ЛГУ, 1985. – 245 с.

Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 2. Учеб. пособие / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 286 с.

Макаров, А. Н. Во глубине России... Критико-биографический очерк о В. П. Астафьеве / А. Н. Макаров. – Пермь: Кн. изд-во, 1969. – 101 с.

Мартазанов, А. М. Идеология и художественный мир «деревенской прозы» (В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаяв): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 – Русская литература / А. М. Мартазанов. – Санкт-Петербург, 2007. – 276 с.

Мартазанов, А. М. Уроки русской «Деревенской прозы» / А. М. Мартазанов // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2012. – № 4. – С. 218–220.

Мартазанов, А. М. Роль интертекста в романе В. Астафьева «Печальный детектив» / А. М. Мартазанов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 8. – С. 48–53.

Петишев, А. А. Жанрово-видовые особенности романа В. Астафьева «Прокляты и убиты» / А. А. Петишев, Е. И. Куракина // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–3. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23979> (дата обращения: 04.02.2023).

REFERENCES

- Astaf'ev, V. P.** *Sobranie sochinenij: v 4 t. / V. P. Astaf'ev.* – Moskva: Molodaya gvardiya, 1979.
- Astaf'ev, V. P.** *Proklyaty i ubity: Roman / V. P. Astaf'ev.* – Moskva: Eksmo, 2002. – 770 s.
- Astaf'ev, V. P.** *Zhizn' prozhit': Roman, rasskazy / V. P. Astaf'ev.* – Moskva: Sovremennik, 1986. – 320 s.
- Azadovskij, K. M.** *Perepiska iz dvuh uglov Imperii / K. M. Azadovskij // Voprosy literatury.* 2003. – № 5. – S. 3–33.
- Bol'shev, A. O.** «Rossijskaya zhalost'» (Po stranicam proizvedenij Viktora Astaf'eva) / A. O. Bol'shev // *Sever.* – 1987. – № 7. – S. 101–104.
- Britan, E. D.** *Roman V. P. Astaf'eva «Proklyaty i ubity»: av-torskaya koncepciya tragichestskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10. 0.01 – Russkaya literatura / E. D. Britan.* – Moskva, 2012. 31 s.
- Karaseva, E. L.** *Pravoslavnye motivy v romane V. P. Astaf'eva «Proklyaty i ubity» / E. L. Karaseva // Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya».* – 2010. – № 3. – S.176–181.
- Lapchenko, A. F.** *Chelovek i zemlya v russkoj social'no-filosofskoj proze 70-h godov: V. Rasputin, V. Astaf'ev, S. Zalygin / A. F. Lapchenko.* – Leningrad: Izd-vo filolog. f-ta LGU, 1985. – 245 s.
- Lejderman, N. L.** *Sovremennaya russkaya literatura: v 3 kn. Kn. 2. Ucheb. posobie / N. L. Lejderman, M. N. Lipoveckij.* – Moskva: Editorial URSS, 2001. – 286 s.
- Makarov, A. N.** *Vo glubine Rossii... Kritiko-biograficheskij ocherk o V. P. Astaf'eva / A. N. Makarov.* – Perm': Kn. izd-vo, 1969. – 101 s.
- Martazanov, A. M.** *Ideologiya i hudozhestvennyj mir «derevenskoj prozy» (V. Rasputin, V. Belov, V. Astaf'ev, B. Mozhaev): dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01 – Russkaya literatura / A. M. Martazanov.* – Sankt-Peterburg, 2007. – 276 s.
- Martazanov, A. M.** *Rol' interteksta v romane V. Astaf'eva «Pechal'nyj detektiv» / A. M. Martazanov // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2007. – № 8. – S. 48–53.
- Martazanov, A. M.** *Uroki russkoj «Derevenskoj prozy» / A. M. Martazanov // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Hetagurova.* – 2012. – № 4. – S. 218–220.
- Petishev, A. A.** *Zhanrovo-vidovye osobennosti romana V. As-taf'eva «Proklyaty i ubity» / A. A. Petishev, E. I. Kurakina // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya.* – 2015. – № 2–3. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23979> (data obrashcheniya: 04.02.2023).